

Из отделения полиции Цзянь Сэнь забирали оба родителя — И Сыцзя и Цзянь Нань. Для супругов этот позор стал сокрушительным ударом по самолюбию. Мало того что бдительная соседка-старушка мгновенно разнесла весть о «геройствах» старшего сына по всему двору, так ещё и досужие языки судачили, будто Сэнь выуживали прямо из обезьянника. В глазах местных жителей история тут же обросла самыми дикими подробностями.

О запланированном походе в кино, разумеется, пришлось забыть. Впрочем, Янь Цун ничуть не расстроился: семейный концерт, разыгравшийся в четырёх стенах, оказался куда увлекательнее любого фильма. Мальчик наблюдал за происходящим с тихим восторгом. Воспитательный дуэт И Сыцзя и Цзянь Наня, охаживавших непутёвого отпрыска в четыре руки, заслуживал бурных аплодисментов.

Выяснилось, что полиция накрыла подпольный притон, где Сэнь зависал в компании местных картёжников. Отделался он легко лишь потому, что не достиг совершеннолетия, да и в карманах у него не нашли ни гроша. Но о чём это говорило? Только о том, что пришёл-то он туда с деньгами, а ушёл, спустив всё до копейки!

Перед копами Сэнь благоразумно держал язык за зубами. Но дома, под градом ударов, быстро раскололся и, заикась от слёз, признался, что умудрился написать расписку и занять у подельников ещё пятьсот юаней. Естественно, родительский гнев обрушился на него с новой силой, и под свист ремня парень сдал отца, занывавшего заначку: выболтал, что Цзянь Нань тайком подкинул сыновьям денег.

И Сыцзя тут же метнула грозный взгляд на Янь Цуна. Тот мгновенно состряпал обиженную мину и с покрасневшими глазами промямлил:

— У меня ничего не осталось... Брат сказал, что нужно купить подарок на день рождения брату Баю, вот я и отдал ему всё до копейки.

Картина маслом: этот паршивец не просто спустил свои пятьдесят юаней, но и отобрал долю младшего брата. Но ладно бы только это — он повесил на семью долг в пятьсот юаней! Сумма для них не смертельная, но если померить аппетиты в отсутствие мужа, на эти деньги они втроем могли бы безбедно жить целый месяц. И так бездарно просрать их в притоне?! В таком нежном возрасте связаться с азартными играми — да он же пустит всю семью по миру!

Экзекуция перешла в решающую фазу. Янь Цун для проформы пару раз пискнул: «Пожалуйста, не надо!», после чего И Сыцзя сердито выставила его за дверь и заперла в детской, велев не высовываться.

Оказавшись в тишине собственной комнаты, Янь Цун не выдержал и широко улыбнулся. Душа его пела. На этой волне умиротворения он с небывалым энтузиазмом засел за учёбу и играючи щёлкнул десять страниц дополнительных заданий. Лучшего исцеления для израненных нервов нельзя было и пожелать.

Ночью, переместившись в пространство системы, Янь Цун взялся за работу. Он усердно вскопал грядки и наконец-то засел за посадку пшеницы — семян из стартового набора. Система работала без сбоев: на этом начальном этапе вспаханную землю требовалось поливать всего раз в неделю. Помощник пообещал, что, как только накопится достаточно опыта, уровень угодья можно будет повысить. На втором уровне откроется доступ к влажному чернозёму, и тогда полив сократится до одного раза в месяц.

Разглядывая аккуратные ровные борозды, Янь Цун впервые за долгое время ощутил умиротворение и простое человеческое счастье.

«Всё-таки вещи, созданные собственными руками, имеют особую ценность, верно?» — мысленно обратился он к системе.

Куб перед его глазами слабо мигнул, выводя строчки ответа:

[Несомненно. Ни в одном из миров истинное благополучие не даётся даром.]

«Красивые слова, но я в них не верю, — мысленно усмехнулся Янь Цун. — Взять хотя бы этого ублюдка Янь Сяна или семейку Цзянь. В прошлой жизни, когда умерли мои настоящие родители, а следом и я, эти твари прибрали к рукам всё состояние семьи Янь. Что это, если не дармовщина?»

[С сухой технической точки зрения, их коварные интриги и манипуляции тоже считаются затратой ресурсов. Однако в нашей системе подобные действия классифицируются как незаконное обогащение и подлежат полной ликвидации. Смею заверить: в мире твоей прошлой жизни их финал оказался весьма далёк от того благополучия, которое ты себе представляешь.]

Янь Цун промолчал. Спорить с бездушной машиной не имело смысла — как бы умна она ни была, ей никогда не понять всей глубины его жгучей ненависти. К счастью, судьба дала ему второй шанс, и на этот раз он не допустит прежних ошибок. Ему уже ввели модифицирующий препарат, тут ничего не поделать, прошлое не перепишешь. Но уж с Янь Сяном он больше дела иметь не будет. Эта мразь недостойна даже его взгляда.

«Нужно как можно скорее открыть глаза семье Янь на то, что Сян им не родной. Или пойти другим путём: сделать так, чтобы сам Янь Сян пораньше узнал правду о своих настоящих родителях. С его вздорным и капризным характером он, ещё будучи подростком, обязательно наделает глупостей и выдаст себя с потрохами. Моя цель в любом случае будет достигнута».

После той памятной трёпки Цзянь Сэнь притих и носа на улицу не высовывал — впрочем, его туда никто и не пускал. Но тяжелее всего пришлось И Сыцзя. Стоило ей на следующий день выйти за продуктами, как спину обожгли косые взгляды и ядовитый шёпот соседей. Какая-то особо бесцеремонная кумушка в лоб спросила, правда ли, что полиция подозревает её

старшенького в покушении на убийство младшего. Другие цокали языками и громко рассуждали о том, что негоже так неприкрито баловать одного ребёнка в ущерб другому. Разозлённая и униженная И Сыцзя поклялась больше не показываться на людях без крайней надобности.

В итоге почётная обязанность ходить на рынок легла на плечи Янь Цуна, который вызвался помочь сам. Он был только рад: во-первых, это легальный повод выбраться из душной квартиры и понаблюдать за жизнью города, а во-вторых, вид бледного, едва оправившегося после болезни мальчика, тащащего тяжёлые сумки, выставлял И Сыцзя в ещё более неприглядном свете. Репутация семейки Цзянь стремительно катилась под откос, и Янь Цуна это несказанно развлекало.

Цзянь Наню повезло больше — ещё до начала учебного года он снова уехал в рейс на юг, месяца на два. Его отъезд оставил И Сыцзя один на один с враждебно настроенным кварталом. Женщина не понимала, в какой момент всё пошло наперекосяк. Она ведь всегда так искусно лавировала в общении с соседями, никого не обижала, со всеми была приветлива. Почему же теперь её и Сэня мешают с грязью? Неужели её хвалёное умение ладить с людьми было лишь иллюзией?

Янь Цуна душевные терзания мачехи не волновали. Он прекрасно понимал своё преимущество: он ребёнок, жертва несчастного случая, едва не стоившего ему жизни. Чтобы не усугублять своё и без того шаткое положение, И Сыцзя пылинки с него сдувала. Она даже устроила старшему сыну жесточайший нагоняй, пригрозив полностью лишить карманных денег, если тот хоть пальцем тронет Цзянь Цуна. Угроза подействовала. К тому же Сэню и самому надоело ловить на себе презрительные взгляды сверстников на улице, так что он предпочёл безвылазно сидеть в своей комнате.

Перед самым началом занятий И Сыцзя расщедрилась: купила сыновьям по новому комплекту одежды и одинаковые добротные рюкзаки. Она очень хотела проводить их в школу в первый день, надеясь разыграть перед соседями сцену «заботливая мать и счастливые дети», но оба сына ответили категорическим отказом. Сэнь высказался без обиняков: мол, лоб здоровый, в следующем году уже выпускной, позориться перед одноклассниками под маминой ручкой он не собирается. Янь Цун же соорудил невинную рожицу и заявил, что хочет брать пример со старшего брата и приучаться к самостоятельности.

— Мам, я ведь теперь тоже гимназист, взрослый парень! В первый день нам всё равно только учебники выдадут да класс уберут, незачем тебе время терять, я сам дойду.

С одной стороны, меньше хлопот, но с другой — у И Сыцзя кошки на душе скребли. Её идеальный план по восстановлению репутации рухнул. Если бы она настояла и пошла провожать только упрямого Сэня, все бы зашушукались, что она опять обделяет младшего. А если бы потащила упирающегося Цзянь Цуна — Сэнь устроил бы истерику. В общем, как ни крути, она оставалась в дураках. От бессильной злобы у неё зубы скрипели.

Для Янь Цуна возвращение за парту стало своеобразным приключением. За давностью лет он напрочь забыл, каково это — быть обычным учеником средней школы. Лица одноклассников

казались ему абсолютно чужими, он не мог вспомнить ни одного имени.

Как хорошо, что у него была система! В реальном мире её интерфейс проецировался прямо на его запястье, оставаясь абсолютно невидимым для посторонних. Стоило сделать пару незаметных движений пальцами и мысленно активировать программу, как перед глазами разворачивался полупрозрачный экран — точная копия панели управления в пространстве системы. Общаться с помощником приходилось в основном мысленным вводом текста, зато никто вокруг ничего не замечал.

Поскольку система срезонировала с его желанием переродиться и привязалась к его душе, она обладала массой полезных утилит. Например, стёртые временем воспоминания о людях и событиях легко извлекались через функцию поиска в архивных базах памяти. Весь первый учебный день Янь Цун провел, сверяя лица одноклассников со всплывающими подсказками. В классе было пятьдесят четыре человека, плюс десяток учителей и завучей — объём приличный, но благодаря подсказкам системы с фотографиями и кратким досье из его прошлой жизни, Янь Цун быстро восполнил пробелы. По крайней мере, казусов с чужими именами удалось избежать.

Слухи о его неудавшемся заплыве каким-то образом просочились и в школу. Одноклассники то и дело подходили справиться о его самочувствии, а на перемене классный руководитель, учительница Ван, вызвала его в учительскую.

— Цзянь Цун, — мягко начала она, заглядывая ему в глаза, — до меня дошли слухи о том, что с тобой произошло. Как ты себя чувствуешь? Всё обернулось благополучно?

— Всё хорошо, учитель Ван. Спасибо за заботу, — вежливо ответил мальчик.

Женщина сокрушённо вздохнула:

— Ты всегда был таким тихим, послушным мальчиком. Поверить не могу, что ты решился на ночное купание! Я ведь перед каникулами без конца повторяла: не смейте лезть в дикие водоёмы, это смертельно опасно. И вот, пожалуйста, чуть не случилась беда!

Янь Цун мгновенно опустил голову, его плечи задрожали, а в уголках глаз заблестели слёзы:

— Нет, учитель... Всё совсем не так. Я вовсе не собирался плавать. Я просто пошёл на реку, чтобы позвать брата ужинать.

Видя его искреннюю обиду, учительница Ван тут же пожалела о своих словах. Спокойный, прилежный Цзянь Цун никогда не отличался безрассудством, в отличие от своего непутёвого брата. Поняв, что незаслуженно обидела ребёнка, она поспешила исправить ошибку:

— Прости меня, глупую. Не разобравшись в ситуации, сразу начала отчитывать. Извини, что

расстроила тебя.

— Ну что вы, учитель! — Янь Цун испуганно замахал руками. — Не нужно извиняться. Я знаю, что вы переживаете за меня. Правда знаю.

— Золотой ты ребёнок, — расчувствовалась учительница. — Но всё же держись подальше от воды. Берег там крутой, скользкий — одно неверное движение, и беды не миновать.

Янь Цун послушно закивал:

— Вы абсолютно правы, учитель. Я туда больше ни ногой, мне до сих пор страшно вспоминать тот вечер. Но... я очень хочу научиться плавать. Если я буду уметь, то больше никогда не утону.

Учительница Ван тепло улыбнулась:

— Хвалю за смелость. Замечательное решение! Знаешь, наш учитель физкультуры, учитель Ли, как раз ведёт бесплатную секцию по плаванию. Если родители не против, ты мог бы записаться к нему на выходные. Денег за занятия он не берёт. Правда, группа там смешанная — приходят и взрослые, не только наши ребята.

— Обязательно поговорю дома с мамой! — радостно воскликнул Янь Цун. — Думаю, она разрешит.

Будь это раньше, И Сыцзя ни за что бы не согласилась. В её идеальном плане будущей жизни Цзянь Цуна не было места никаким навыкам, кроме кулинарии. Ему надлежало вырасти покорным домашним прихвостнем, который будет обстирывать Янь Сяна, готовить ему обеды и растить детей. Полная финансовая и эмоциональная зависимость Цзянь Цуна от Сяна гарантировала бы, что даже если правда о подмене когда-нибудь вскрыется, чете Янь придётся смириться ради счастья собственного сына.

Но сейчас обстоятельства изменились. Соседские пересуды отравляли И Сыцзя жизнь. Она рассудила так: если младший открыто запишется в бассейн, это докажет, что никакой психологической травмы от падения в воду у него нет. А значит, и обвинения против Сэня рассыплются сами собой — мол, обычная детская шалость, никто никого топить не собирался. Руководствуясь этой эгоистичной логикой, она милостиво дала своё согласие.

Получив одобрение, Янь Цун поспешил обрадовать классного руководителя. Учительница Ван за руку отвела его к физруку. Выслушав предысторию, учитель Ли проникся уважением к храброму мальчишке:

— С виду скромник, а характер кремнистый. Другие дети после такого потрясения к луже подойти боятся, а он решил побороть свой страх. Молодец! Возьму его в группу. Но поскольку

он несовершеннолетний, на тренировках обязательно присутствие кого-то из родителей. Цзянь Цун, твои папа или мама смогут приходить?

— Папа точно не сможет, — вздохнул Янь Цун. — Он постоянно в разъездах, дома почти не бывает. Мы с братом всегда с мамой. Но раз она разрешила мне заниматься, думаю, найдёт время.

— Договорились. Вот держи мою визитку, в субботу жду вас с мамой по этому адресу.

За ужином Янь Цун будничным тоном рассказал о своей беседе с физруком. Сэнь, услышав это, презрительно скривился:

— Ещё чего, плавать он собрался! Для этого тренер нужен, что ли? Очередное разводилово на бабки. Видать, физрукам совсем жрать нечего, раз решили на школьниках наживаться.

Янь Цун едва сдержался, чтобы не плюнуть этому дегенерату прямо в тарелку. Вместо этого он спокойно возразил:

— А вот и нет. Учитель Ли занимается с ребятами абсолютно бесплатно. Наша учительница Ван говорила, что он раньше выступал за сборную города, а когда ушёл на тренерскую работу в нашу школу, стал в свободное время давать бесплатные уроки. Между прочим, его воспитанники даже выигрывали медали на областных любительских соревнованиях!

Сэнь открыл было рот для очередной колкости, но И Сыцзя зыркнула на него так, что парень сразу осёкся:

— Ешь молча! У тебя на носу выпускные экзамены, а ты всё чесать языком горазд? Заняться больше нечем?

При слове «экзамены» у Сэня предсказуемо разболелась голова. Желание спорить у него как рукой сняло. Он принялся шумно всасывать рис, мгновенно опустошил свою пиалу, а напоследок без зазрения совести сгрёб с общего блюда две последние мясные тефтели — знаменитые «львиные головы». Кое-как прожевав их и вытерев рот рукавом, он буркнул:

— Я к себе, заниматься.

Янь Цун перевёл взгляд с опустевшей тарелки, где сиротливо поблёскивали лишь капли жирного соуса, на свои недоеденные полпиалы пустого риса. На душе было мерзко, аппетит пропал начисто.

И Сыцзя едва сдерживала ярость. Этот эгоистичный увалень даже не подумал спросить, наелся ли младший брат и поужинала ли его собственная мать! Но, верная своей привычке сглаживать углы, она натянула фальшивую улыбку:

— Надо же, как вкусно у тебя сегодня получилось. Твой брат от этой вкусноты совсем голову потерял, даже о манерах забыл. Ладно, бог с ним. Не обращай внимания, кушай лучше тушёную капусту, она очень сочная получилась.

«Какая трогательная материнская любовь, — мысленно усмехнулся Янь Цун. — Впрочем, пусть балует его дальше. Чем больше его опекают, тем более никчёмным паразитом он вырастет. Это мне только на руку».

Ему вдруг стало безумно интересно: что произойдёт, когда Сэнь узнает, что его родной брат купается в роскоши и ведёт жизнь изнеженного наследника многомиллионной корпорации, пока сам он прозябает в нищете и перебивается с хлеба на воду? О, эта зависть сожрёт его изнутри. И тогда Сэнь костями ляжет, но своего не упустит — он станет для Янь Сяна самым страшным, самым верным проклятием, которое утянет того на самое дно.

<http://bllate.org/book/20137/2106439>